возраст' [3, с. 1129]. Возможно, указание на причастность Гулльвейг к опьяняющему напитку указывает и ее другое имя – Хейд (др.-исл. *Heiðr* в Vsp. 22), поскольку аппелятив *heiðr* обозначает блестящую жидкость, идентифицируемую с медом и выполняющую важную роль в ритуале. Неслучайно, *heiðr* имеет отношение к мировому древу, называемому *heiðvǫnom helgom baðmi* 'медовым священным деревом' (Vsp. 27), роса, выпадающая на землю с ясеня Иггдрасиль называется медвяной (*hunangfall* (SnE 16)) и служит пищей пчелам. Этот же элемент содержится в имени мифологической козы – *Heið-rún* 'меда тайну (имеющая)', о которой сообщается: *Heiðrún heitir geit, er stendr hǫllo á Heriafǫðrs / oc bitr af Lærāðs limom; / scapker fylla hon scal ins scírа miaðar, / knáát sú veig vanaz* (Grm. 25) "Хейдрун коза, стоя в палатах Отца войска [Одина], / ест листву Лерада [Иггдрасиля], / мед сверкающий в чан она цедит, / тот мед не иссякнет". Показательно, что в Grm. 25 репрезентирована семантическая мотивировка имени *Gullveig* 'блестящий напиток (имеющая)' – *scír* 'сверкающий'. *veig* 'напиток', прямая номинация опьяняющего напитка (*mioð* 'мед') и указание его основного признака релевантного в космологическом аспекте, – неиссякаемости. В древнегерманской мифопоэтической модели мира мед имеет устойчивые ассоциации с познанием, отождествляемым с жертвоприношением, ср. эпизод с отданным в залог великану Мимиру глаза Одина ради обретения мудрости: *alt veit ec, Óðinn, hvar þú auga falt: / í inom mæra Mímis brunni. / Dreccr miǫð Mímir morgin hverian / af veði Valfǫðrs ...* (Vsp. 28) "знаю я, Один, где глаз твой спрятан: / скрыт он в источнике славном Мимира; / Мимир пьет мед с залога Владыки ...". Непосредственная связь др.-исл. *heiðr* с магическими знаниями и основным субъектом испытаний, связанных с приобщением к ним, – Одином отражена в Sd. 13: *Hugrúnar scaltu kunna ... / þær of réð, þær of reist, / þær um hugði Hroptr, / af þeim legi, er lekið hafði / ór hausi Heiddraupnis ...* "Познай руны мысли... / Хрофт [Один] разгадал их и начертал их, / он их измысли из влаги такой, что некогда вытекла / из мозга Хейддраупнира [букв, 'мед капающий']". В свете сказанного сцену пронзания Одином копьем Гулльвейг, ее троекратного сожжения и возрождения можно интерпретировать как ритуальные действия, направленные на усвоение магических знаний, воплощаемых опьяняющим напитком. Композиция Vsp., а именно предшествование данного эпизода изложению конфликта между асами и ванами имплицирует истинную причину противостояния, заключающуюся в соревновании за владение основной космологической ценностью – знанием о прошлом и будущем вселенной.

Миф о войне асов и ванов, в основе которой лежит стремление и той, и другой группы богов обеспечить господство над опьяняющим напитком, символизирующим важнейшие космогонические блага – жизненную силу и мудрость, носит общеиндоевропейский характер.

Поразительно точные соответствия на языковом и мифологическом уровне обнаруживаются в древнеиндийской традиции. В индуистской мифологии в связи с борьбой асуров (др.-инд. *ásura* генетически близко др.-исл. *áss* 'ас') и дэвов излагается миф о совместном пахтании океана ради добыванья амриты, напитка бессмертия, космогонический по характеру, поскольку "акт творения совершается посредством разделения первичных вод" [2, с. 71], и при этом из океана извлекаются различные сокровища – богиня красоты и счастья Лакшми, райское дерево, солнечный конь, амрита и др. [2, с. 536]. К рассматриваемому сюжету также имеет отношение миф о вынужденном приглашении на пир богов Ашвинов, для которых аскетом был создан гигант по имени *Mada* 'мед', грозивший проглотить мир; Индра соглашается принять Ашвинов, а колосса расчленяют и его части распределяют между возлияниями, женщинами, игрой в кости и охотой. Сходство этого мифа с древнеисландским проявляется в комплексе мотивов: 'вражда богов' – 'опьяняющий напиток' – 'жертвоприношение его персонификации' – 'объединение богов'. Еще одну параллель скандинавскому материалу исследователи видят в заключении мира и образовании общего государства римлянами и сабинянами которым предшествовала война, и в фигуре весталки Тарпейи [5, с. 212]. Черты подобия скандинавскому мифу можно увидеть и в кельтском ареале. Речь идет о победе новоприщельцев племен богини Дану над фоморами, связанными с нижним миром, водой, смертью и плодородием, одержанной благодаря магическому напитку божественного кузнеца Гоибниу [2, с. 308].

§ 2. Миф о меде поэзии не исчерпывается связью с мифом о войне асов и ванов; он нуждается в детальном анализе, который позволил бы реконструировать соответствующий сюжет и поместить его в индоевропейскую перспективу. Миф о постижении богами (в первую очередь Одином) мудрости занимает центральное место в древнегерманской космогонической концепции, поскольку знание прошлого, настоящего и будущего способно актуализироваться в ключевые моменты развития – на стыке старого и нового года, когда противостояние сил хаоса и космоса достигает кульминации, и мысленно воспроизводить прецедент – первотворение, и тем самым обеспечивать дальнейшую космизацию вселенной. На основании отдельных мотивов, зафиксированных